

Виктор ФЁДОРОВ

Библиотеки vs. Интернет: откуда берутся знания?

Впервые должность Президента РГБ – крупнейшей библиотеки в нашей стране – была введена в 2009 году. О специфике работы руководителя такого ранга, о его полномочиях и степени участия в решении стратегических проблем библиотечного дела, мы говорим с Президентом РГБ **Виктором Васильевичем ФЁДОРОВЫМ** – замечательным и ироничным собеседником, опытным руководителем, имеющим нестандартный взгляд на актуальные вопросы.

— **Виктор Васильевич, вот уже год Вы в должности Президента Российской государственной библиотеки. Каким он был для Вас?**

— Если говорить о том, что в мою ежедневную деятельность были внесены кардинальные изменения, то этого я не ощущаю. Конечно, раньше значительную часть времени я уделял собственно проблемам библиотеки, необходимости решать различные административные, финансовые, хозяйственные вопросы. Но сейчас приходится уделять больше времени другим задачам – спектр участия в общественной жизни резко расширился. Только практическое внедрение 4-й части ГК требует больших усилий – это сейчас актуальная и важная проблема для библиотек, нужно найти разумный баланс между соблюдением прав автора и прав гражданина на информацию. Много приходится заниматься этой и подобными проблемами в самых различных общественных формированиях – Общественной палате, Общественном комитете содействия развитию библиотек России во главе с Б. Грызловым. Комитет по культуре Госдумы ведёт непрерывный процесс совершенствования законодательства о библиотечном деле.

Таким образом, с точки зрения самого объёма загрузки я не вижу уменьшения. Другое дело, что это уже не тот груз персональной ответственности, который есть у руководителя конкретной библиотеки. Даже несмотря на то, что должность президента в библиотечном сообществе появилась впервые именно в нашей библиотеке, без дела не сижу, и, надеюсь, приношу пользу.

— **Удалось ли по-новому взглянуть на эти проблемы, отвлекаясь от текущих вопросов?**

— Конечно, поскольку всё в нашей жизни изменяется, и ничего нет постоянного, кроме трудностей, этот год внёс определённые коррективы. Но это не просто видение Президента РГБ, а жизнь сама поставила на повестку дня ряд вопросов. Первое, что реально ощутила наша библиотека, да, собственно, и все остальные: для бюджетных организаций последствия кризиса наиболее полно сказались в 2010 г., а не в 2009. Специфика финансирования бюджетных организаций заключается в его инерционности. Благодаря тем действиям, которые предпринимало правительство с точки зрения борьбы с кризисом, мы не ощутили в 2009 г. какого-то резкого недофинансирования, но уже в 2010 г. ситуация изменилась. Общий бюджет на культуру фактически был уменьшен. В этом смысле 2010 г. был несколько нестандартен, было такое «дежа вю» по поводу 90-х годов, когда мы жили в тяжёлых фи-

нансовых условиях. До 2008 г. тоже не хватало денег на культуру, но был стабильный рост, была возможность что-то развить, расширить. Что касается нашей библиотеки, то в 2010 г. из бюджета выпало финансирование проектирования нашего нового здания, хотя готовы все необходимые документы, и земля отведена, и есть распоряжение Правительства. Но в проекте бюджета 2011 г. ситуация выправляется.

На повестку дня очень серьёзно встал вопрос – а как нам быть в условиях действия 4-й части ГК? Не открою Америки, если скажу, что в мировом сообществе с внедрением новых информационных технологий, которые принесли не только количественные изменения – в скорости распространения информации, в обеспечении максимальной доступности информации для пользователя независимо от места пребывания самой информации и того же пользователя, эти проблемы стоят остро. Технически информацию, которая сосредоточена у нас в 43 млн единиц хранения, можно буквально в течение нескольких минут передать в любую точку земного шара. Это не столь дорого стоит и вполне реально даже в условиях того финансирования, которое мы имеем. Но стали появляться правовые барьеры. Во всём мире эта борьба идёт давно: с одной стороны, авторы отстаивают свои права на интеллектуальную собственность, а с другой стороны, общество провозглашает, что его гражданам необходим максимально свободный доступ к информации. Информация в контексте нашего разговора – обобщённое слово, это знания, образование, научная деятельность, это то, что можно назвать культурным образованием, до-

ЛВ!

Виктор Васильевич ФЁДОРОВ,

Президент Российской государственной библиотеки

Родился 12 марта 1947 г. в поселке Красногородск Псковской области.

Окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Н.А. Вознесенского (1971), там же аспирантуру, (1974), кандидат экономических наук

Трудовую деятельность начал в финансовых органах Псковской области.

Находился на комсомольской работе в ЦК ВЛКСМ, избирался депутатом райсоветов Псковской области (1968–71), был заместителем главного редактора журнала «Сельская молодёжь» (1980–85), главным редактором, затем директором издательства «Молодая гвардия» (1985–97).

С 1997 г. заместитель, затем первый заместитель директора, с октября 1998 г. – директор Государственной библиотеки им. В.И. Ленина, а с марта 2001 г. – Генеральный директор Российской государственной библиотеки.

В октябре 2009 г. был избран Президентом РГБ.

В.В. Фёдоров является членом множества обществ, международных и отечественных советов и органов, в т.ч. Президиума Совета при Президенте РФ по культуре и искусству, Совета деятелей культуры, науки и образования при МИД РФ, Совета РБА, Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, Постоянной комиссии Секции национальных библиотек ИФЛА, Конференции директоров национальных библиотек и Конференции директоров европейских национальных библиотек, Президентом Библиотечной Ассамблеи Евразии.

Председатель Учёного совета РГБ, автор более 20 публикаций по библиотекведению.

Награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденом Дружбы народов, медалями «За доблестный труд», «За трудовое отличие», медалью Дружбы КНДР.

ступом к культурным ценностям. Проблема в библиотеках, подобных нашей, ещё острее. К нам приходят работать с книгой. Только студентов у нас почти 60% среди читателей. Плюс ещё одна наша особенность. Поскольку мы храним всё и вечно как национальная библиотека, следовательно, у нас хранится культурное наследие. Однако востребованность источников прошлых веков по сравнению с современным знанием не столь велика. Но мы храним и современное знание, востребованность которого чрезвычайно высока. При этом, на источники современных знаний в полной мере распространяется авторское право. Проблема очень серьёзная. Её пытаются решить многие общественные организации: и РБА, и Библиотечная ассамблея Евразии, которая объединяет национальные библиотеки стран постсоветского пространства. Мы работаем в очень тесном контакте с книгоиздателями.

С моей точки зрения, этот год был достаточно интересным в плане перелома восприятия и понимания ситуации между библиотеками и издателями. То, что в самых общих словах называется электронной книгой — этот процесс уже не остановить. И поэтому перед традиционным книгоизданием стоит такой вопрос: или будет уменьшаться сегмент его действия, и оно всё больше и больше будет уступать пространство электронной книге, или же найдётся разумное сочетание, чтобы вместе с библиотеками издатели могли активно использовать эти новые тенденции, максимально не противопоставляя их традиционной книге. Это очень сложно даже для понимания, не говоря уже о практическом воплощении. Но как мне кажется, это — единственный путь.

Конечно, если мы говорим о культуре в широком смысле, то глупо отказываться от величайшего изобретения человечества, которое просуществовало не один век. Я имею в виду книгу. Читатель, работающий с традиционной книгой, был, есть и будет всегда. Другое дело, что соотношение носителей знаний, читателей и пользователей — это структура динамичная. Оно будет постоянно меняться, и многое будет зависеть от того, как мы сработаем.

— Давайте вернёмся к политикам и власти. Вы являетесь представителем библиотечного сообщества во многих организациях — Совете при Президенте по культуре и искусству, Общественном Комитете содействия развитию библиотек России, общаетесь с высшим руководством страны. В чём, на Ваш взгляд, причина того, что многочисленные обращения библиотек остаются без ответа? Как они вообще это воспринимают?

— Активнее нужно быть, это абсолютно однозначное. Но то же самое можно сказать про любую отрасль. Неправильно было бы говорить, что именно библиотеки находятся в таком положении. Ведь в таком по-

ложении, по большому счёту, находится вся сфера культуры. И армия, и здравоохранение в равных с нами условиях. Но что касается библиотек, то две мысли лежат на поверхности. Во-первых, я никак не могу понять, почему наши высокие руководители ещё не до конца осознают, что инновационное развитие, модернизация страны невозможны без использования тех знаний, которые накопило человечество. Сейчас мы живём в каком-то определённом периоде безвременья, у некоторых руководителей есть туманная вера в то, что библиотеки — нечто такое, что отживает свой век, а где-то впереди — Интернет, в котором всё есть. И в этом смысле существует противопоставление библиотеки и Интернета. С другой стороны, идёт процесс, когда большие и серьёзные деньги вкладываются в то, что называется «железом» и программным обеспечением, но о контенте никто не заботится. Существует

« Академик Лихачёв, произнося свою известную фразу «Библиотекари — последние святые на Руси», вряд ли предполагал, как её воспримет бюрократия. Красиво звучит с трибуны, но процесс трансформации слова «святые» дал свои плоды. Святые — значит кормить их необязательно»

жёсткая ведомственная разобщённость — Минсвязи занимается только инфраструктурой и коммуникациями, Минкультуры — культурным наследием... Мы как национальная библиотека числимся по ведомству Минкультуры. А науку и образование можно представить без Ленинки, если у нас весь диссертационный фонд?

Если честно — у меня нет ответа на Ваш каверзный вопрос, иначе у нас была бы уже другая ситуация, я всего лишь размышляю. Большие начальники, вообще, интересные люди. Один из них мне задал вопрос о том, когда мы будем закрываться, потому что в скором времени всё будет оцифровано. Очень сложно отвечать на такие вопросы, потому что миссия нашей библиотеки — сберечь всё, что накопилось. Иначе — Архангельское Евангелие 1092 г. мы оцифровали, а оригинал никому не нужен? Академик Лихачёв, произнося свою известную фразу «Библиотекари — последние святые на Руси», вряд ли предполагал, как её воспримет бюрократия. Красиво звучит с трибуны, но процесс трансформации слова «святые» дал свои плоды. Святые — значит кормить их необязательно.

В Интернете есть всё, допустим, согласимся с этим. Но откуда «это всё» взялось в Интернете? Вопрос-то в источниках! И выясняется, что источники — это журналы, книги, исторические документы, то есть библиотеки и архивы. Интернет вторичен. Не спорю: сейчас всё интенсивнее развивается информация, собственно рождённая в виртуальной среде. Но если вас интересу-

ет какая-либо проблема, вы набираете запрос в поисковой системе, и вам выдаётся 25 источников, в которых даётся та или иная трактовка ответа на этот вопрос. Вы уверены, что всё, что вы нашли в поисковиках — это качественная и достоверная информация? Это первая проблема. Вторая проблема: 25 источников — это 25 из существующих 27, и тогда информация достаточно репрезентативна, или это 25 из существующих 25 тыс., и тогда репрезентативность этой информации ничтожна? Получается ситуация, которой опасаются многие учёные: это как айсберг, огромный массив которого никому не известен и практически не используется, и только наверху какая-то небольшая толика внешней открытой информации. А зачем мы тогда копили? И как использовать то, что накопили? И вот тут-то оказывается, что уже несколько тысячелетий существует такая профессия, как библиотекарь, люди, которые работают с этой информацией, которые знают, как её систематизировать, как предоставить читателю, как сократить время на поиск и т.д. Но чтобы это было качественно, грамотно и эффективно, государство должно и сюда вкладывать деньги!

— А что Вы ответили тому чиновнику, который спросил о закрытии библиотеки? «Не дождётесь»?

— Ну, конечно, не так, я в более вежливой форме ему объяснил. И поскольку я всегда преследую прикладную цель, я ему сказал: когда будете давать деньги, когда все 43 млн оцифруем. Хотя по большому счёту, все 43 млн оцифровывать и не надо. Зачем оцифровывать прижизненное издание «Евгения Онегина», если важно, чтобы классический выверенный текст Онегина был в цифровой форме? А прижизненное издание, которое автор видел, обсуждал его с художником, издателем, нужно в традиционной форме, чтобы его можно было открыть, ощутить дух того времени. Есть статистика, она общеизвестна. Если оценить все читательские запросы по хронологии, то выясняется, что около 90% читательских запросов — это литература, выпущенная за последние 5–7 лет. Цель оцифровки — обеспечить доступ читателя к современной информации. Таким образом, если мы 5 лет подряд будем осуществлять оцифровку только входящего потока, то через 5–7 лет 90% того, что нужно читателю, у нас будет оцифровано.

— Возвращаясь к сохранности фондов... Многие эксперты начинают говорить о проблеме сохранения уже созданного цифрового наследия. Так ли актуальна эта проблема у нас, как за рубежом? Какие способы её решения существуют?

— В этом смысле библиотеки — одна из немногих сфер, где мы практически не отстаём от Запада. Если в нашей стране нужно наладить, например, современное автомобилестроение, то нужны новые технологии, материалы, т.е. фундаментальные инновации. В библиотеках иначе. Мы делаем то же самое, что и на Западе, и если в чём-то отстаём, то только в количественных по-

Фото: Михаил Стержков

казателях в силу того, что они давно и хорошо финансируются. Более того, ни в одной стране вы не найдёте такой ситуации, как у нас с национальной библиотекой диссертаций. Диссертационный фонд страны — это огромная часть научного потенциала, которая консолидирована у нас и в электронной форме. У нас виртуальных читальных залов более 400. Как правило, в других странах диссертации хранятся в тех университетах, в которых они защищаются. А в СССР с 1944 года было принято такое правило: не защитишь диссертацию, если один экземпляр не сдашь в Ленинку. И таким образом те 35 тыс. диссертаций, которые у нас ежегодно защищаются, мы переводим в электронный вид. Этот проект работает на самоокупаемости.

Проблема сохранности цифровой информации сейчас очень остра. Мы обсуждали на рабочей группе экспертов при Комитете по культуре Госдумы внесение изменений в закон «Об обязательном экземпляре документов». Что касается виртуальной информации, сайтов, проблема не решена ни в одной из стран, чтобы было так же чётко, как с бумажными носителями. Сайт — не тиражируемая продукция, но затраты тоже существуют. Нужно снять копию, обеспечить передачу в то место, которое укажет государство и т.д. А сколько сайтов, которые нужно архивировать? Есть политика избирательного комплектования, когда комплекту-

ется то, что считается нужным в силу выработанных критериев. Поголовный подход просто нереален, по крайней мере, на первом этапе. Не разработаны связи, механизмы и т.д. Предположим, мы преодолели этот первый этап, раз в году владельцы сайтов присылают информацию. Но далее выясняется, что пытаться унифицировать её на уровне требований очень сложно. Был пример, касающийся диссертаций. Зачем оцифровывать, не проще ли обязать соискателя сдавать электронный вариант? Но оказалось, что отсканировать нам значительно легче и дешевле. Мы делаем тот продукт, который отвечает тому качеству, которое нам необходимо. Но самая главная проблема — по какому принципу отбирать? Это может быть тематический принцип, хронологический... Следующая проблема. Где это всё хранить, как предоставлять доступ?

И последнее. Не знаю, с чем сравнить, но эти новые технологии ненасытны. Приходит новое программное обеспечение, новые носители, периодически необходимо производить конвертацию. Решение этим проблемам пока не найдено, но задачи в более-менее чёткой форме сформулированы.

— А как выстраивается политика представительства РГБ за рубежом? На каком уровне мы сейчас находимся в системе мировых библиотек?

— Надо начать с того, что все наши попытки определить уровень заранее обречены на неудачу. Вот наши 43 млн единиц хранения. Наиболее понятный показатель — какая часть фондов оцифрована. Это означает, что они могут использоваться в новых технологиях. На современном этапе невозможно получить сводный ответ на этот вопрос, чтобы оценить иерархию.

Например, берём нас и Библиотеку Конгресса США. Библиотека Конгресса гордо рапортует, что у них 130 млн единиц хранения. В РГБ 43 млн. На первый взгляд всё понятно — в 3 раза меньше. Однако у нас годовая подписка газеты «Комсомольская правда» — это одна единица хранения, а у них каждый номер газеты «Нью Йорк таймс» — отдельная единица. И на первых порах американцы большое внимание уделяли переводу фотоматериалов. И у них одна фотография считается как единица. Как тут считать, если нет единых критериев измерения?

Возвращаясь к доле оцифрованных фондов, в лучших библиотеках он может достигать максимум 7–8%. С точки зрения количества фондов мы считаемся второй библиотекой в мире после американской, но и с точки зрения доли оцифрованных фондов, думаю, мы входим в пятёрку лидеров. В Европе, может быть, и первые. Трудно предсказать, как всё дальше будет развиваться, но логика закономерна: у кого больше будет контента, тот в конечном итоге и будет победителем. Можно долго рассуждать о русскоязычном сегменте Интернета, который ограничен, про англоязычный, который широк, но мы ничего не можем сказать — а что будет через десятилетие, ну например, с учётом развития китайского сегмента.

Фото Михаила Старукова

— Не могу не спросить про реформу бюджетных учреждений. Каково Ваше мнение на предмет своевременности данного закона, реальности его эффективного исполнения, последствий для библиотечного сообщества?

— Своего рода эпитафией к ответу на этот вопрос я предпочёл бы своё собственное кредо в управлении. Поскольку я экономист по базовому образованию, моё глубокое убеждение в том, что приспособиться к любым условиям, которые нам диктуют «силовые» ведомства в лице Минфина и Минэкономразвития, можно. Проблема здесь только в одном — в фактическом объёме финансирования. Потом, специфика нашей страны в том, что, не успев придумать закон, мы уже придумали, как его обходить. Раньше был норматив — 2% расходов бюджета идёт на культуру. Сейчас мы даже до этого норматива не дотягиваем. Это первая мысль. Вторая мысль. Самая главная опасность преследует автономные учреждения. Условия финансирования таковы, что есть вполне реальная обоснованность думать о том, что они будут отправлены «в самостоятельное плавание», и кто выплывет, тот выплывет. Но гораздо понятнее, если бы эта цель достигалась другим способом: когда государство не тащило бы на себе 130 тыс. нищих библиотек, а взвесило всё и честно сказало, что с учётом новых информационных технологий и разрешения всех правовых проблем нам бы хватило 25 тыс. библиотек, но эффективных и относительно хорошо финансируемых. Цель была бы той же самой — сократить количество, но способ — другой, осознанный и честный. Иначе получится, что какую-нибудь муниципальную библиотеку небольшого городка насильно сделают автономной, хотя у меня глубокое убеждение, что библиотеки и музеи нужно

в последнюю очередь делать автономными. Как они будут зарабатывать? Сдавать помещения под местное варьете, или под колхозный рынок? Но тогда это — не библиотека. В этом случае речь идёт о более эффективном использовании имущества, принадлежащего муниципалитету. Третье. РГБ, как пилотная библиотека, первой переходит на новую форму, все остальные библиотеки будут наблюдать за экспериментом над нами. И это своего рода прыжок в неизвестность. До конца всё детально не проработано. Очень надеюсь, что за всеми этими экспериментами сохранится сама генеральная идея проекта — отказаться от распределения бюджета библиотеки по этим строго регламентированным статьям и кодам бюджетной классификации. Здесь предполагается укрупнённое финансирование, вплоть до того, что чисто теоретически можно отменить существующую уравниловку в зарплате. Государство пытается заформализовать библиотечную деятельность в форме госуслуг, которые мы должны бесплатно предоставить гражданам: библиографическую информацию, книгу для чтения и т.д. Но здесь есть очень серьёзный момент — как будут сформированы эти услуги. Вам как читателю чрезвычайно важно, чтобы необходимые вам издания были на наших полках, и вы могли их получить. Но вас абсолютно не волнует, как хранится фонд в целом, а это же — гигантские деньги! А как формализовать эту услугу? Получается, что Минэкономразвития и Минфин становятся в тупик. Кто кому оказывает услугу? Федеральное бюджетное учреждение оказывает услугу государству, сохраняя национальный библиотечный фонд. Поэтому появляются специальные субсидии. Но там другая проблема. Как оценить этот фонд? Любой завод имеет своё имущество на балансе. Парадокс заключается в том, что всё, что приобреталось в последние годы, амортизируется. Но у нас есть всё то же самое Архангельское Евангелие 1092 года, которое неизвестно сколько стоит. Есть рыночная стоимость, есть непереводаемая в рубли другая ценность этого издания. И с каждым годом, в отличие от обычного имущества, оно дорожает. Эквивалента нет. Я не очень люблю подобного рода не до конца проработанные новации, но и катастрофы не вижу. Похвально хотя бы то, что пытаются что-то делать и советуются с нами. У нас каждую неделю заседает группа из Минфина, мы обсуждаем и договариваемся.

— А на какой стадии эксперимент?

— С 1 января мы уже в новой рубашке. РГБ — бюджетное учреждение нового типа.

— Это как-то отражается на коллективе? Как меняется зарплата?

— Нам пока ещё не ясно, поскольку не спустили бюджет на 2011 год, хотя по ориентировочному проекту фонд заработной платы остаётся прежним с учётом 8%-ного повышения, предполагаемого в следующем году, и небольшого процента, заложенного на инфля-

цию. Грубо говоря, если мы не предпринимаем никаких мер с точки зрения численности персонала, то у нас на 2011 г. заложено 8%-ное увеличение зарплаты. Если мы найдём возможности и политическую волю для того, чтобы сократить 10% сотрудников, то это — дополнительный источник прироста.

— Вы всё-таки рекомендуете библиотекам останавливаться на форме бюджетного учреждения?

— Вне всякого сомнения. Я не вижу иного способа. Некоторые, самые радикальные, рвутся в самостоятельность, кто-то хочет остаться казёнными, хотя там, наверное, только архивы оставят; библиотекам, вероятнее всего, в этот список не попасть. Но тот объём самостоятельности, который есть, он достаточен, если в очередной раз не перегнуть палку. С моей точки зрения, глобальная проблема заключается в том, что в период перехода от плановой социалистической экономики через бурные 90-е годы к нормальной экономике напуганный кризисом Минфин на всякий случай делает запасы. Мы по золотовалютным запасам — на третьем месте после Китая и Японии. А самая прогрессивная экономика США — где-то далеко, потому что у них другая логика. А у нас начали придумываться жёсткие экономические правила для всех, независимо от того, кто нефть добывает, стройкой занимается, лекарствами торгует или в библиотеке работает. Но без определённой дифференциации работать будет невозможно. Стратегическая цель — дожить до того момента, когда будет дифференцированный подход к различным сферам культуры, здравоохранения, науки, образования.

— Наш последний вопрос — традиционный. Каковы Ваши читательские предпочтения?

— У меня есть одна байка на этот счёт. Одна молодая журналистка спрашивает меня: у Вас столько книг, наверное, Вы всё перечитали? А я говорю: а если бы я был директором ликёро-водочного завода, то должен был всё перепробовать? Поэтому так: домашняя библиотека у меня большая, всё покупалось в эпоху дефицита. Потом я работал в издательстве «Молодая гвардия», была возможность приобретать замечательные книги. Много дарили, у меня был список «Книжная экспедиция», величайшая вещь по тем временам. Последние лет 10–15 я больше собираю и периодически почитываю историческую, мемуарную литературу. Наверное, в моём возрасте это неоригинально и закономерно. Мой любимый писатель — А.П. Чехов. Ценю его лаконизм, его проникновение в человеческую душу. А сейчас читаю Чаадаева «Статьи, письма». Вот насколько образованнейший человек того времени, насколько он раздираем противоречиями, тревожен, как его гигантский интеллект мечется в поисках! Нравится изучать сам процесс.

— Спасибо! ■

Беседавала Елена Бейлина